

М.В. Белозёрова

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.

Проанализированы социокультурная и экономическая составляющие интеграционных процессов в среде автохтонных (субэтносов черкесов / адыгов) и переселенческих групп населения Причерноморья в инфраструктуру России во второй половине XIX – первой трети XX в. Методологически статья опирается на историко-генетический метод (компаративный анализ по хронологическим срезам). На основе воспоминаний современников и вводимых в исторический оборот архивных данных сделаны выводы о преемственности интеграционных процессов. Выявлена специфика этих процессов в 1920–1930-е гг., проявившаяся в формировании этноконтактной зоны, выстраивании в местах компактного проживания русских и этнических меньшинств иерархически соподчиненной системы управления, корреляции курса «коренизации» и раскрытии рекреационного потенциала региона.

Ключевые слова: интеграция; коренизация; черкесы / адыги; шапсуги; миграция; Сочинское Причерноморье; межэтническое взаимодействие.

Изучение интеграционных процессов XIX–XX столетий в Причерноморье в силу ряда причин по-прежнему являются одной из актуальных тем в современных исторических исследованиях. Прежде всего, это вызвано тем, что данный период в политическом, экономическом, культурном развитии России характеризовался присоединением к империи ряда территорий. В этот процесс включался Северный и Западный Кавказ, что повлекло интеграцию народов, населявших их, в структуру российского общества. Современная этнополитическая ситуация в Западно-Кавказском регионе характеризуется стремлением ряда общественных и научных деятелей политизировать итоги Русско-Кавказской войны XIX в. и последовавшие за нею интеграционные процессы. По мнению политолога В. Новикова, в постсоветском пространстве в поисках своей идентичности Русско-Кавказская война для многих народов стала «...ближайшим историческим событием, от которого они начинают отстраивать свое место и роль...» [1] как в прошлом, так и в современном мире. Русско-Кавказская война, ее окончание и последствия положили начало формированию этнической идентичности и консолидационным процессам у многих кавказских народов. У некоторых этносов они так и не были завершены, например, у автохтонных народов Причерноморья. Они были прерваны движением мухаджирства – переселением в Турцию. В результате в российском Причерноморье остались небольшие этнические группы как коренные малочисленные народы (шапсуги) [2]. Этническая консолидация, и особенно ее незавершенность, поиск своей идентичности, также актуализирует данную проблематику.

В историографии утвердилось мнение, что понятие «интеграция», как и процесс интеграции, появилось в политическом лексиконе в 1920-х гг. В исследовательскую практику они впервые были введены немецкими учеными Р. Шмедом, Х. Кельзенем и Д. Шиндлером. До этого понятие «интеграция» (*integratio* – лат.) как процесс соединения частей в целое, некую целостность, структуру применялось в естественных науках. Ввод его в сферу анализа общественных отношений подразумевал процесс объединения людей и государств в некую социально-

политическую общность [3]. Впоследствии термин был перенесен в политическую, экономическую, культурную составляющие жизни общества. В настоящее время широко применяются понятия «политическая интеграция», «социальная интеграция», «экономическая интеграция», «культурная интеграция» и др. То есть проблема интеграции приняла полидисциплинарный (мультидисциплинарный) характер. При этом каждая дисциплина дает свою интерпретацию данной дефиниции. В силу мультидисциплинарности понятия «интеграция» и интеграционных процессов (трансформация социокультурного пространства, миграционные процессы и др.) сегодня к их рассмотрению исследователи подходят комплексно. Интеграция понимается как полиаспектный, многоуровневый процесс, включающий социокультурные, экономические, идеологические, политические, демографические аспекты.

Если рассматривать интеграционные процессы отдельных этносов в структуру российского / советского государства в XIX – первой трети XX в., то их можно характеризовать углублением культурного и этнического взаимодействия (между этносами при сохранении самобытности), формированием различного типа связей (экономических, социальных, культурных) между субъектами, и в итоге формированием гомогенного пространства в соответствии с нормами / стандартами государства.

Их участниками в XIX в. (после окончания Русско-Кавказской войны) и в первой трети XX в. стало и население Причерноморья. Включение региона в состав России, последовавшие затем демографические изменения, складывание полиэтнического по составу населения послужили началом процесса, в историографии получившего название «социоинтегративного» [4].

В историографии Западного Кавказа, при рассмотрении интеграционных процессов в Причерноморье [5. С. 139–141], прослеживается ряд тенденций. Основное внимание исследователей сосредоточено на традиционных для региональной историографии вопросах этнической истории и этнического самосознания черкесов / адыгов, на ходе и итогах Русско-Кавказской войны, процессе мухаджирства, критике и

попытках переоценки взглядов советских исследователей на процессы, протекавшие в среде черкесских народов. Региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII в. Сужение хронологических рамок до второй половины XIX в. во многом связывается с «переломным периодом» в истории черкесского / адыгского народа. Ход Русско-Кавказской войны и ее политические последствия рассматриваются большинством исследователей как детерминирующие факторы кардинальных изменений в исторических судьбах населяющих этот район народов. Если в советский период исследования социальных и экономических процессов в историографии Западного Кавказа базировались на основе марксистско-ленинской методологии, то с конца 1980-х гг. – на попытках пересмотра сформированных концепций с позиций «цивилизационного» подхода. В предлагаемом контексте исследования советских историков рассматриваются в качестве тупиковых попыток «...подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории...». Предпринимаются попытки рассмотреть историческое развитие Кавказа как «цивилизационной целостности», разрушенной вмешательством Российской империи и впоследствии национальной политикой СССР. Интеграционные процессы в Причерноморье рассматриваются как «военная колонизация» региона и связываются с «заселением казачьими станицами» бывших адыгских поселений [6. С. 44].

Подобная позиция в еще большей степени актуализирует необходимость исследования интеграции как автохтонного населения, оставшегося в Причерноморье, так и переселенцев в этот регион на основе первоисточников – архивных документов, аналитических работ и воспоминаний участников этих событий.

Черноморское побережье попало в сферу интересов России в ходе Русско-Кавказской войны XIX в. Проживавшее там население (шапсуги, убыхи, нухайцы, абадзехи и др.) принадлежало к субэтносам черкесов / адыгов. Их система традиционного расселения, плотность населения, типы поселений и жилищ, хозяйственная занятость были обусловлены высотной зональностью и орографическим строением и были универсальны для горных районов [7. С. 30, 51–52, 53, 59; 8; 9]. Поселения локализовались в прибрежной, предгорной и среднегорной зонах. Высокогорные и альпийские зоны использовались сезонно как летние пастбища. Особое место в отраслевой структуре автохтонных народов занимало земледелие (подотрасли: огородничество и садоводство) с существовавшей практикой ограниченной распашки прирусловых террас. Высеивали кукурузу, пшено, пшеницу, просо, ячмень, овес. Шапсугам были известны технологии искусственного террасирования склонов. Устройство лесозащитных полос от туманов и холодных потоков воздуха, спускающихся по ущельям ночью, универсальная для горных лесов локализация и размеры пашни (0,3–0,5 га, максимум 1,0–2,0 га), технология искусственного террасирования склонов и обработки почвы (ручная или при помощи пары бы-

ков и буйволов и легкого пахотного орудия – рала) были такие же, как в других районах Кавказа и Средиземноморья – Имеретии, Абхазии, Турции. Удельный вес земледелия снижался в зависимости от вертикальной зональности. Террасы использовались под посевы и разбивку садов. Наиболее крупные и ветвистые деревья не вырубались, по ним, как и по высаженным плодовым деревьям, пускались виноградные лозы. Разводили алычу, инжир, черешню, яблоню, грушу, грецкий орех, виноград. Наличие высокогорных пастбищ усиливало роль животноводства. Практиковали пчеловодство и скотоводство (разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз). По воспоминаниям Ф.Ф. Торнау, русского офицера и разведчика в Причерноморье (1830–1840-е гг.), количество крупного и мелкого рогатого скота даже в зажиточных семьях было незначительно: не более 10–20 коров и 30–50 баранов. Практиковалась меновая торговля с Турцией. Предметами мены со стороны турок были ткани (бумажные, шерстяные, шелковые), оружие, соль и др. Черкесы меняли пальмовое дерево, мед, воск, а чаще всего – женщин и мальчиков [10. С. 297]. Традиционно одним из основных источников доходов черкесов / адыгов были набеги как на своих соплеменников, так и на пограничные станицы казаков, грабежи и работоторговля [11].

После окончания Русско-Кавказской войны и депортации основной части черкесского населения на Кубань и в Турцию, перед русской администрацией встала необходимость решения по крайней мере двух крупных задач в экономической интеграции Причерноморья: хозяйственная адаптация оставшейся части горцев к новым условиям жизнедеятельности в составе Российской империи и «колонизация» региона [12. С. 47], т.е. заселение региона переселенцами и его экономическое развитие.

При решении первой задачи, согласно архивным данным [13. Л. 1; 14], оставшимся в Причерноморье горцам («общинникам» и «холопам», не пожелавшим «сопровождать... своих господ» в Турцию) предоставлялись личная свобода и земельные наделы, определялись места расселения. Первоначально из-за постоянных набегов на селения русских поселенцев и грабежей была определена территория в горах в 55 верстах (около 58,7 км) от берега Черного моря. Одновременно внимание уделялось формированию торгово-экономических отношений между русскими поселенцами и горцами. Организовывалась меновая торговля необходимыми для горцев товарами, прежде всего солью. По свидетельству начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Раевского, в местах, где «...окрепла мена солью... горцы не предпринимали никаких враждебных покушений...» против русских [15. Л. 1; 16. Л. 1]. Видя выгоду, местное население обратилось к русской администрации с просьбой о расширении торговли и другими товарами: холстом, сафьяном, шелковыми и хлопчатобумажными тканями [17. С. 15, 19].

В целом эти меры способствовали складыванию и развитию мирных отношений с горцами, однако не со всеми этническими группами. По-прежнему враждебно к русским были настроены убыхи. Тем не менее

уже в 1874 г. горцы были «выведены» из своих горных населенных пунктов и «помещены» вблизи штабов батальонов русских, где и образовали аулы: в долине реки Псеузапсе, в урочище Кичмай на реке Шахе (в наст. время – Лазаревский р-н МО «город-курорт» Сочи) и в верховьях реки Кудепсты (в наст. время – Хостинский р-н городского округа Сочи). После расселения горцев вблизи штабов линейных батальонов в течение года их передвижения строго контролировались и регламентировались русским командованием. Постепенно, по воспоминаниям очевидцев, оставшееся черкесское население стало в большей степени заниматься своими традиционными видами хозяйства: скотоводством, садоводством, пчеловодством, полеводством и охотой. Так, общее поголовье скота по отдельным населенным пунктам доходило до 1 400–1 700 голов. В зависимости от количества посевов, урожаи, например, кукурузы составляли 1 121–3 150 пудов, яровой пшеницы от 20 (при посеве 2 пудов) до 48 пудов (при посеве 6 пудов) [17. С. 20].

К решению второй задачи – заселению края и его экономического развития – русская администрация приступила только во второй половине XIX в. Однако при ее решении возникли определенные сложности, связанные с переселением других этнических групп. Сразу же отметим: анализ архивных документов показывает, что попытки, предпринимаемые в региональной историографии, рассматривать интеграционные процессы на Западном Кавказе как «военную колонизацию» и «заселение казачьими станицами» бывших адыгских поселений не корректны.

Миграции населения в Причерноморье отмечались еще в первой половине XIX в., сюда ссылались сектанты из центральных губерний России. Переселенческое движение в Причерноморье, по мнению И.А. Тверитинова, имело, с одной стороны, стихийный характер, с другой – регламентировалось русской администрацией. Из внутренних и приграничных районов России сюда мигрировали крестьяне, ремесленники, казаки. Этот процесс совпал с отменой крепостного права и был во многом вызван аграрным перенаселением в центральных районах России. На основании Положения «О заселении предгорной западной части кавказского хребта», утвержденного 10.05.1862 г., в течение 1863–1864 гг. от Геленджика до Туапсе были основаны 12 станиц кубанских казаков Шапсугского пешего берегового батальона, в которые переселялись добровольно, по жребию или в силу воинской повинности казаки из станиц Кубанской области. Всего было переселено 2 331 человек. Первоначально управление было полувоенное, а с 1871 г. – гражданское [18. С. 14, 15].

Колонизация прибрежной полосы (Сочинское попечительство) и «нагорной» полосы (Красная Поляна) началась с 1869 г. Первыми поселенцами стали немцы и русские. Между тем русские переселенцы вследствие заболеваний малярией, высокого уровня смертности, ограниченных возможностей для пашенного земледелия (традиционного занятия русских и казаков) в этот период не стремились заселять Причерноморье. Но так как задача развития сельского хозяйства в регионе сохранялась, была предпринята попыт-

ка создать частновладельческую собственность на побережье Черного моря. Семьи служащих и отставных офицеров Кубанского казачьего войска, добровольно переселявшиеся на побережье, причислялись к дворянству и получали земельный надел в полную и потомственную собственность. Всего в районе Сочинского округа было предоставлено и продано на льготных условиях в частную собственность примерно 95 земельных участков и отчуждено более 53,3 десятины земли. Однако и эта попытка развития сельскохозяйственного производства оказалась неудачной. Значительная часть владельцев была связана службой и не посчитала «...возможным развивать сельское хозяйство» в усадьбах [19. Л. 13, 17, 19]. К тому же большинство лиц приобретали земли исключительно в спекулятивных целях. Таким образом, сельскохозяйственная модель, сложившаяся и развивавшаяся в центральной части России, в Причерноморье оказалась нежизнеспособной.

В этот же период в Сочинском Причерноморье появились и представители других этнических групп: грузины-имеретинцы, греки, эстонцы, молдаване, армяне. Одним из определяющих факторов в миграционном курсе стало то, что переселенцы имели культуру земледелия. Перенос традиционных для переселенцев хозяйственных занятий и сельскохозяйственных культур способствовал их оптимальной хозяйственной адаптации к своеобразным условиям природной среды. Так, амшенские армяне, прибывшие из Турции, обладали навыками горного земледелия. Наряду с разведением скота, выращиванием пшеницы, кукурузы и овощей, разведением садов и виноградов, они стали культивировать табак. Табак разводили и греки-переселенцы (с. Лазаревское). В результате в Причерноморье появилась новая отрасль – табаководство. Греки занимались шелководством, частично используя шелковичные деревья прежних обитателей Причерноморья, частично разводили сами: шелковичный червь был ими вывезен из Турции. Значительное место в хозяйственной специализации греков занимало садоводство. Земледелие и скотоводство преобладали у эстонцев.

Сложившаяся у переселенцев хозяйственная специализация сохранилась и в первой трети XX в. Так, до 75% населения, принадлежащего к различным этническим группам, было занято в табаководстве [20. Л. 2 об.]. Развитию табаководства способствовали нормативно-правовые акты первой половины 1920-х гг.: ст. 15 Декрета СНК от 23.08.1923 г., ст. 4 Инструкции Наркомзема РСФСР от 27.07.1924 г. и ст. 6 Инструкции НКЗ от 02.09.1924 г. [21]. Эти документы регулировали некоторые стороны землепользования в табаководческих районах страны, развитие табачной промышленности и выращивание культуры табака, а также вопросы аренды участков земли, используемых под разведение табака, и возможности возведения на этих землях табаководскими арендаторами построек. На основе этих документов с согласия областных и губернских земельных управлений арендаторам предоставлялось право долгосрочной аренды земель – от 12 до 24 лет. Результатом стало увеличение в районе площади под разведение

табака. В 1922 г. она составила около 19,7 га, а уже в 1925 г. – около 4,1 тыс. га [22. Л. 184]. Другой основной отраслью оставалось садоводство. Вернулись и к попыткам развития полеводства. Но из-за погодноклиматических условий (незначительного количества осадков, засухи) они были неудачны [23. Л. 1, 1 об.]. Так, в начале 1920-х гг. в Адлерской волости оказались безуспешными попытки посева на 285,5 га (174 дес.) озимых и яровых зерновых (пшеницы, ржи, ячменя, овса), необходимых для обеспечения хлебом населения. Не способствовало развитию полеводства и открытие для обслуживания полеводческих хозяйств прокатного пункта сельскохозяйственных орудий (плугов, сеялок, сенокосилок и т.п.), слесарно-кузнечных и колесных мастерских в помещении бывшего Адлерского кредитного товарищества. Уже к 1925 г. в Сочинском райсельхозе фиксировался отказ населения от посевов озимых культур в пользу табаководства, садоводства, пчеловодства.

Учитывая сложившуюся ситуацию, а также неблагоприятные факторы, органы Сочирайсельхоза вынуждены были пересмотреть планы развития сельскохозяйственного производства в Сочинском Причерноморье [24. Л. 6–6 об., 7]. Исходя из наличия негативных факторов, затруднявших развитие сельского хозяйства, – длительных сроков землеустройства, связанных с топографическими особенностями местности и практически полным отсутствием штата квалифицированных работников-землеустроителей, малоземельем и бедностью населения, отсутствием кредитования хозяйств и транспортной инфраструктуры (бездорожье, транспорта) – руководство Сочинского района и земельными органами наметило пути решения этих проблем: 1) зонирование района, 2) проведение землеустроительных работ, результатом которых должно стать выделение земель сельскохозяйственного фонда, 3) финансирование беднейших слоев сельского населения.

Принцип зонирования в Причерноморье уже применялся в конце XIX в. В 1920-х гг. предполагалось также выделить три зоны – прибрежную, среднегорную и высокогорную. При зонировании учитывался принципиально новый фактор, не имевший особого значения в дореволюционный период, – это роль региона как курорта. Он оказал существенное влияние на специфику хозяйственного развития региона и его экономическую интеграцию. Поэтому прибрежная зона изначально выделялась с учетом все увеличивающегося значения Сочинского Причерноморья как курорта.

Был принят ряд нормативно-правовых документов государственного и регионального значения об учете и национализации «лечебных местностей и курортов» [25–27]. Согласно им производился учет и национализация не только зданий, сооружений в Сочинском районе и Туапсинском подрайоне, но и земель и угодий (в том числе земель сельскохозяйственного пользования). В случае необходимости (для лечебных целей и нужд) допускался новый отвод земель и угодий, не находившихся ранее в пользовании курортов. Так, в ведение курортного управления Сочи были переда-

ны «культурные» участки земли – районы Верещагинской стороны с приморским парком (более 108,8 кв. м), Хлудовской стороны полностью (более 426,7 кв. м), дачные участки Раздолинской группы и Васильевского урочища, район «Новый Сочи». В зону ведения курортного управления включались и совхозы, например, совхоз им. Ленина (площадью примерно 358,5 кв. м в районе Арета). Такой шаг обосновывался важным значением и необходимостью организации подсобных животноводческих и огороднических предприятий для курорта. Таким образом, в курортную зону для обслуживания создаваемых курортов на побережье включались крупные коллективные хозяйства. Одновременно предусматривались борьба с малярией и благоустройство на этих территориях – проведение мелиоративных работ (осушение всех низменных участков), сооружение водопровода.

В прибрежной зоне предлагался переход от зерново-садоводческого к фермерскому хозяйству и постепенная замена зерновых культур техническими, главным образом табаком, кенафом (*Hibiscus Cannabinus* – однолетнее травянистое растение из семейства мальвовых, волокно кенафа отличается высокой гигроскопичностью и прочностью, идет на изготовление мешковины, брезента, шпагата) и другими культурами. Под их посадку планировалось уже в 1925 г. отвести свыше 2,0 тыс. дес. (около 3,3 тыс. га). В среднегорной зоне предполагалось развитие садоводческого хозяйства как основной отрасли и звероводческого – как вспомогательной. В высокогорной полосе основным типом хозяйства должно было стать полеводческо-скотоводческое, вспомогательным – садоводство. Для развития культурного скотоводства предполагалось развитие травосеяния. Особое значение отводилось шелководству. Основной район развития этих отраслей – Адлерский.

Что касалось участков, не попадавших в курортную зону, то в 1920-е гг. в качестве основных форм организации хозяйства в прибрежной части предлагалась создание трудовых или сельскохозяйственных артелей и сельскохозяйственных товариществ. В данный период времени это была общая модель для всей территории РСФСР. Архивные данные об их создании, количестве, мощности в Сочинском Причерноморье неравнозначны. Основным источником для анализа служат протоколы общих собраний, посемейные и пофамильные списки. Как правило, все хозяйства были маломощны, они объединяли мелкие хозяйства. Решение о создании артели или товарищества принималось на общем собрании всех жителей данного населенного пункта. На момент создания общее число членов в артелях варьировало от 14 до 62 человек, из них трудоспособных – от 11 до 34 человек в разных хозяйствах, т.е. примерно половина от всего состава. Из архивных данных известны следующие объединения: трудовые артели «Свет» (дер. Семеновка Сочинского округа, 1920 г.), «Новая жизнь» (Адлерский район, 1920 г.), сельскохозяйственные артели «Изумруд» (на р. Херота близ селения Адлер, 1920 г.), в дер. Волковка (Дагомыс, 1919 г.), трудовая культурно-земледельческая артель «Вера» (1920 г., Сочи, Хлудовская сторона, дача № 37

бывш. Рыковского, в 1920-е гг. – Советская). Хозяйственная ориентация различна – скотоводство, пчеловодство, молочное хозяйство. Объединялось не только движимое (скот, сельскохозяйственные инструменты, зерно), но и недвижимое имущество [28. Л. 1, 3; 29. Л. 1, 1 об., 2, 6, 7; 30. Л. 1–2, 9].

В архивных документах первой половины 1920-х гг. не содержится информации о национальной принадлежности членов первых коллективных объединений. Однако по данным пофамильных списков можно проследить, что членами всех вышеперечисленных объединений преимущественно были русские. Было выявлено одно объединение (артель «Эртаба» / «Свобода»), члены которого согласно пофамильному списку были только грузины [28. Л. 1, 3; 29. Л. 1, 1 об., 2, 6, 7; 30. Л. 1–2, 9].

Курортное значение региона, малообеспеченность крестьянских хозяйств, запутанность землепользования делали необходимым проведение землеустроительных работ. Основной задачей стало формирование сельскохозяйственного фонда [31. Л. 19, 29, 30]. Эти работы проводились начиная со второй половины 1920-х гг. Фонд земель сельскохозяйственного назначения составили все площади, пригодные для ведения сельского хозяйства. Это в первую очередь так называемые старожильческие юртовые земли, переселенческие «утвержденные и неутвержденные», заселенные и незаселенные земли, все частновладельческие земли, а также лесные площади, пригодные для ведения сельского хозяйства. Исключение составляли лесные массивы с ценными породами насаждений – самшита, тисса, каштана и др. Во вторую очередь к сельскохозяйственному фонду относились все земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, расположенные среди бывшего казенного леса.

Населению предоставлялись определенные льготы. Так, лесничеству по согласованию с заповедником предписывалось не чинить препятствий местным жителям выпасать скот на гористых местностях. Выпасы предоставлялись по договорам, но без взимания платы. Сельским обществам разрешалась эксплуатация той части лесов местного значения, которые ими не использовались на нужды крестьянского хозяйства. Но в то же время предусматривался регламент отпуска леса для рынка: только в случае полного «покрытия древесиной... топливных и деловых» нужд крестьян как личных, так и общественных [31. Л. 30]. С целью предохранения лесов от пожаров населению разрешалась очистка лесов государственного и местного значения от валежника и бурелома с возможной реализацией древесины на рынке. Окружному земуправлению предлагалось разработать механизмы отпуска древесины для населения: на бесплатной основе из лесов местного значения и на платной – из лесов государственного значения [31. Л. 29, 30].

Третий комплекс мер предусматривал льготы населению для ведения сельского хозяйства [31. Л. 19]: ссуды на нужды землеустройства с уплатой в рассрочку для беднейших слоев населения; для мобилизованных красноармейцев предполагалось выделить «пустопорожние» земли «культурных участков», в первую очередь и земли «культурных участков» на

которых остались насаждения в минимальном количестве – во вторую очередь.

В XIX – начале XX в. в Причерноморье произошли серьезные демографические изменения. Окончание Русско-Кавказской войны, мухаджирство и заселение Сочинского побережья представителями других этносов (русскими, армянами, греками, молдаванами, эстонцами, поляками и др.) положило начало формированию современного этнического состава населения на этой территории. Переселением черкесских племен в единоверную Турцию и заселением христианами Причерноморья был значительно уменьшен «мусульманский элемент» в регионе. Следовательно, был снижен уровень антироссийских настроений и конфликтность местного населения.

Произошли изменения в сословной структуре автохтонного населения. Окончание Русско-Кавказской войны совпало по времени с отменой крепостного права 1861 г. Реформа распространялась на всей территории России, в том числе и на вновь завоеванных землях. В этой связи, на наш взгляд, следует особое внимание акцентировать на двух моментах. Первое: реформа изменила социальную структуру черкесского общества. Согласно исследованиям Р.С. Кантора, в ходе ее реализации была ликвидирована сословность черкесского / адыгского общества [32]. Например, у автохтонных народов Причерноморья [33. С. 201, 211–213, 215, 216, 226; 34] – шапсугов, натахайцев, абадзехов – общественное устройство было феодальным: выделялись дворяне (вуорки), вольные земледельцы (тфокотли), крестьяне (пшитли). Дворяне-вуорки занимали в обществе господствующее положение. Тфокотли составляли большинство народа, они были подчинены вуоркам. Крестьяне делились на две категории: оброчные – пользовались большей свободой, имели более значительные права собственности и не отбывали тягостных повинностей; дворовые люди – всецело принадлежали владельцу. В других районах Западного и Северного Кавказа черкесское общество имело аристократический характер. Его сословная структура состояла из князей (пши), дворян (уорков / вуорков), среднего сословия, находившегося в зависимости покровителей (оги), крестьян (пшитлей), рабов (унаутов). Во второй половине XIX в. сословная структура всех групп черкесов / адыгов была упрощена до социальной категории «сельский житель (обыватель)», социальный статус общинника-черкеса и общинника-русского стал идентичным. Как нам кажется, здесь можно говорить лишь об изменении и упрощении социальной иерархии черкесского общества, но не о ликвидации его сословности. Второе: с реформой «местные обычаи» были обречены, как и «промысел» местной элиты (набеги, грабежи, работорговля). Соответственно, их благополучие было поставлено под угрозу. Поэтому исход черкесской элиты в Турцию вместе с подконтрольными горскими племенами стал единственным выходом для сохранения их социального положения и влияния в среде соплеменников. Во многом именно с этим связано такое явление, как мухаджирство, в результате чего практически весь черкесский этнос (по некоторым данным до 90%) оказался вне России.

Межэтнические контакты в этот период носили лишь эпизодический характер. На это указывают несколько факторов. Например, незначительное число населенных пунктов, расположенных дисперсно: к 1880-м гг. в Сочинском округе было создано всего 20 поселений: из них 17 инородческих и 3 русских [35. С. 14, 15, 17]. Отсутствие школ в инородческих поселениях обусловило то, что не было языка межнационального общения: инородцы не говорили по-русски, а русские не знали национальных языков. И, наконец, начиная с 1890-х гг. русская администрация из политических соображений стала проводить курс русификации (или «обрусения») населения. С этой целью создавались смешанные в этническом отношении населенные пункты, вновь прибывшие русские переселенцы приписывались в греческие, армянские и другие инородческие поселения. Положительных результатов это не принесло: были зафиксированы столкновения, в первую очередь имущественного характера, вызванные тем, что наиболее плодородные земли принадлежали инородцам-сторожилам, вновь прибывшим русским поселенцам доставались земли худшие по качеству [12].

В 1914 г. в Сочинском районе насчитывалось 41 676 жителей, из них около 68,2% составляли сельские жители и 31,8% – городские. Эта тенденция – сохранение преимущественно сельского населения, как и тенденция увеличения общей численности населения, в данном регионе сохранились и последующий период. К 1926 г. произошло увеличение общей численности населения до 47 128 человек. Доля сельских жителей по-прежнему превышала долю городского населения (78,2% и 21,8 соответственно). Национальный состав по данным на 1925 г. в Причерноморье был следующим: всего населения насчитывалось 44 203 человека, доля русских составляла примерно 38,9%, армян – 35,8%, греков – 15,0%, грузин – 5,1%, эстонцев – 3,0%, молдаван – 1,0%, немцев – 0,4%, прочих – 0,9%. В 1932 г. проживало 61 122 человек, из них доля городского населения – около 25,1%, остальные – сельские жители. По национальному составу они распределялись следующим образом: русские – около 27,5% от общей численности населения, украинцы – 18,9%, греки – около 13,0%, армяне – около 16,3%, грузины – около 4,0%, эстонцы – 1,7%, прочие – 8,7% [36. Л. 13]. Таким образом, можно отметить увеличение роста абсолютных показателей населения, в то же время произошло снижение доли ряда традиционных уже для Причерноморья этнических групп (русских, армян, эстонцев) и увеличение других (украинцев).

В это же время стали предприниматься определенные шаги в формировании межэтнических контактов. Здесь главная роль отводилась коренизации национальных меньшинств [38. Л. 49, 74, 99, об.]. Часть мероприятий связывалась с коммунистической и комсомольской пропагандой и агитацией в среде национальных меньшинств. Развертывалась агитационно-пропагандистская работа в городе и деревне, и не только среди русских, но и в среде этнических меньшинств, их старались привлекать в коммунистические и комсомольские ячейки, к общественно-

идеологической и советской работе. Особый акцент делался на необходимости проведения работы среди женщин. Уже в 1925–1926 гг. эти мероприятия имели свои результаты – партийными и комсомольскими органами, районными органами власти (исполнительным комитетом) была зафиксирована активизация на конференциях национальных меньшинств при выборах в сельские советы и национальные комиссии [38. Л. 9–10 об., 12–12 об., 14, 28, 35–37].

Меры по коренизации предусматривали: расширение числа работников – представителей различных этнических групп в органах разных ветвей власти различного уровня (райисполкоме, сельских советах, судах); ведение делопроизводства на языках национальных меньшинств; создание типографий и издание агитационной и газетной продукции (например, на армянском языке). Ставилась задача комплектации национальных сельских советов и сельскохозяйственных предприятий руководящими работниками, секретарями, членами правлений, руководителями секций, счетоводами и т.п. из представителей этнических групп, владевших родными языками. Рекомендовалось всю внутреннюю жизнь национальных сельсоветов, колхозов и других типов сельскохозяйственных предприятий вести на национальном языке данной этнической группы. Это касалось не только делопроизводства, но и проведения всех собраний, заседаний и т.п. И здесь проявились определенные трудности. Например, не все граждане в ряде сельсоветов или сельхозпредприятий принадлежали к доминирующей этнической группе и владели данным национальным языком. Поэтому их предписывалось «обслуживать» на русском языке. Также для таких граждан надо было переводить на русский язык все решения на собраниях, решения, резолюции, доклады. Или другой пример. К 1932 г. в Сочинском районе существовало 17 сельских советов, из них 3 – с преимущественно армянским населением, 3 – с греческим и 1 – с грузинским населением. Армянские и грузинский сельсоветы были укомплектованы работниками – представителями армян и грузин соответственно, делопроизводство велось также соответственно на армянском и грузинском языках. Греческие сельсоветы не были «обеспечены» национальными кадрами: как правило, председателями были греки, секретарями – русские, делопроизводство велось частично на греческом, частично на русском языке. Это объяснялось тем, что сами греки объяснялись между собой на ломаном турецком языке, греческим почти не владели, знали его немногие [39. Л. 2, 3, 4, 15].

Чтобы решить проблемы, были предприняты меры по формированию системы народного образования, что также предусматривалось курсом коренизации. Открывались курсы по изучению национальных языков, шла ускоренная подготовка учителей для национальных школ, ликвидировалась неграмотность, расширялась сеть начальных школ первой ступени, «избчитален», дошкольных учреждений для всех этнических групп. Национальные школы переводились на местный бюджет, для приобретения учебной литературы для них также централизованно выделялись денежные средства. При формировании системы народ-

ного образования органами исполнительной власти фиксировались и определенные трудности: как правило, сельские школы располагались в крестьянских избах, а не в специальных школьных зданиях, был недостаток школьного оборудования, инвентаря и учебников, в частности на национальных языках, не хватало и учителей для национальных школ. Тем не менее к 1931 г. в Сочинском районе была создана сеть школ, в том числе национальных, их количество увеличивалось и в дальнейшем, как и численность учащихся – представителей национальных меньшинств. Так, в 1931 г. всего школ было 91 (русских – 38, армянских – 37, греческих – 12, грузинских – 3, эстонских – 1), в 1932 г. – уже 100 школ (русских – 42, армянских – 41, греческих – 13, грузинских – 3, эстонских – 1). Численность учащихся в 1931 г. составила в русских школах – 4 110 (в 1932 г. – 4 989) человек, в армянских – 2 400 (в 1932 г. – 2 848), в греческих – 710 (в 1932 г. – 968), в грузинских – 209 (в 1932 г. – 266), в эстонской – 69 (в 1932 г. – 98). В целом охват детей всеобщим составил 97,5%. В национальных школах обучение велось на родных языках. В школах со смешанным национальным составом учеников были сформированы группы учащихся – 2 армянские и одна грузинская, изучавших родные языки [39. Л. 4 об., 5].

Выводы. Интеграционные процессы в среде автохтонного населения и переселенцев в Причерноморье на протяжении всего рассматриваемого нами периода имели социокультурный и экономический характер. Социокультурная интеграция прослеживалась во введении в правовое поле населения Причерноморья как после Русско-Кавказской войны в 1864 г. и окончательного вхождения в состав России Западного Кавказа, так и в 1920–1930-х гг. Во второй половине XIX в. это касалось прежде всего оставшихся в Причерноморье субэтносов черкесов / адыгов, в частности шапсугов. Сословная структура черкесского общества была упрощена, социальный статус общинника-черкеса и общинника-русского стал идентичным. В конце XIX – начале XX в. этот процесс распространился и на мигрантов (армян, греков), бежавших в Россию от геноцида из Турции. Межэтнические контакты в этот период носили лишь эпизодический характер. Переселением населения был снижен уровень антирусских настроений и конфликтность местного населения.

Экономическая интеграция выразилась в попытках развития района как сельскохозяйственного. Особо акцентируем внимание на том, что термин «колонизация Причерноморья», употреблявшийся в XIX в., русской администрацией рассматривался в смысле заселения вновь приобретенных земель и введения их в хозяйственный оборот. Прежде всего уделялось внимание складыванию и развитию мирных отношений с горцами, ориентации на развитие земледелия, скотоводства и торговли. Значительная роль в хозяйственном освоении Причерноморья отводилась переселенцам. Адаптация переселенцев к новым условиям не всегда была удачной, прежде всего это касалось русского населения из внутренних районов России и казаков. Более успешно адаптировалось население, при-

бывшее из регионов, по своим природно-климатическим условиям близких к условиям Причерноморья. Их хозяйственная специализация (садоводство, табаководство, животноводство) оказалась более устойчивой и сохранилась в первой трети XX в.

В 1920–1930-е гг. государством также активно проводилась политика, направленная на экономическую и социокультурную интеграцию населения в модернизируемое (социалистическое) общество. Экономическая интеграция народов Причерноморья включала мероприятия по изменению существовавших ранее форм хозяйствования, внедрению кооперативных форм организации сельскохозяйственного производства, формированию его как курортного района. Это в свою очередь предусматривало увеличение численности населения, мероприятия по развитию социальной инфраструктуры.

В рамках социокультурной интеграции одним из первых шагов было определение правового статуса для всех народов, населявших бывшую Российскую империю. Здесь прослеживается традиция, заложенная в предыдущий период российской истории, – идентичность прав и обязанностей для соответствующих социальных страт. После революции 1917 г. жителям Причерноморья, как и всему населению, были предоставлены унифицированные права и обязанности гражданина СССР, независимо от их социальной и национальной принадлежности. Прослеживалось выстраивание вертикали власти или иерархически соподчиненной системы управления при организации сельских советов и сельскохозяйственных предприятий как в местах компактного проживания русских, так и этнических меньшинств Сочинского побережья. Вводилась практика избрания на должности председателей, руководителей, членов правлений и т.п. представителей этих национальностей. Определенную роль здесь должен был иметь курс на коренизацию, предусматривавший меры по ликвидации неграмотности, созданию начальных школ первой ступени, ведению делопроизводства на родных языках, формированию национальных кадров.

Заселение Сочинского побережья во второй половине XIX – первой трети XX в. положило начало формированию современного этнического состава населения на этой территории. В этот же период стали закладываться и основы межэтнического и межкультурного взаимодействия. В регионе формировалась, в сущности, этноконтактная зона, где проживали различные по этническому составу группы населения, которые практически одновременно заселяли и осваивали территорию Причерноморья. В процессе складывавшегося в дальнейшем характера межэтнического взаимодействия важнейшим фактором стал тот, что все пришлые этнические группы оказались в той или иной степени в «равноправном» положении переселенцев, которое не позволяло какой-либо одной из них претендовать на статус автохтонного или коренного населения, а следовательно, и на особый правовой статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Онлайн дискуссия – Кавказская война (1817–1864): между памятью и историей // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (дата обращения: 12.06.2014)
2. Белозёрова М.В. К проблеме взаимосвязи процессов этнической консолидации и национального самоопределения в южных регионах России // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов-н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 175–178.
3. Сорокина И.О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 2.
4. Побережников И.В. Урал в Российской истории: интеграция региона в страновое пространство. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30314/1/uibch_2014_1-21.pdf (дата обращения: 07.11.2017).
5. Белозёрова М.В. Социальные институты черкесов в оценках региональной историографии 2000-х гг. // Археология и этнография Кавказа и Крыма. СПб., 2017. 148 с.
6. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2006. 59 с.
7. Садовой А.Н., Белозёрова М.В., Агарков Ю.В., Пименова В.В. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (№ гос. регистрации 114100740110). ФГБУН Сочинский научно-исследовательский центр РАН, 2014. 88 с.
8. Белозёрова М.В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2016. Ч. 1. Вып. 5. С. 189–192.
9. Садовой А.Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (32).
10. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп, 2008. 332 с.
11. Садовой А.Н. Институт рабства в XIX в. : форма русско-черкесского противостояния // Славянский мир. Диалог культур. Кемерово ; Омск, 2011. С. 164–174.
12. Белозёрова М.В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II : человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
13. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8.
14. Белозёрова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 32. С. 26–33.
15. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 1955.
16. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 94.
17. Верещагин А.В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин. СПб., 1878.
18. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков. Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
19. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 584. Оп. 3. Д. 16.
20. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 679.
21. Декрет СНК РСФСР от 23.08.1923 г. «Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1801.htm (дата обращения: 12.02.2018).
22. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 153.
23. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 12.
24. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 15.
25. Декрет от 04.04.1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения». URL: <http://www.library.ru/help/docs/n20310/decret.htm> (дата обращения: 12.02.2018).
26. Постановление ВЦИК и СНК от 23.06.1921 г. «Об управлении курортами общегосударственного значения». URL: <http://www.ussrdoc.narod.ru/> (дата обращения: 12.02.2018).
27. Постановление СНК от 11.06.1921 г. «О курортах Крыма, Кавказа и Кубани».
28. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 22.
29. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 20.
30. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 24.
31. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 36.
32. Кандор Р.С. Отмена крепостного права у западных адыгов (черкесов) Кубанской области в 60-е гг. XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 53–57.
33. Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы его населяющие. М. : Кучково поле, 2016. Кн. I. Кавказ. 648 с.
34. Садовой А.Н. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX в. Сословный и классовый аспекты анализа // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения : научно-технический журнал. 2016. № 1 (34). С. 120–129.
35. Из доклада чиновника особых поручений действительного статского советника М.А. Краевского на тему «К вопросу колонизации Черноморской губернии» с приложением части исследования младшего таксатора Личкуса о бывших горских аулах, а также частновладельческих и поселянских хозяйствах Черноморской губернии». СПб., 1897.
36. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 183.
37. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153.
38. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 171.
39. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 25. Оп. 1. Д. 679.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

Integration Processes at the Sochi Coast of the Black Sea in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 122–131.

DOI: 10.17223/15617793/447/15

Marina V. Belozeroва, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Keywords: integration; korenizatsiya; Circassians/Adygs; Shapsugs; migration; Sochi Black Sea area; interethnic interaction.

The integration of the native peoples (Circassians/Adygeans, Shapsugs) and migrants at the Sochi coast of the Black Sea is analyzed in the article based on state archive materials, memories and analytical works of the participants of the events of the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. Some of the archival information was first introduced into scientific discourse. The topic is of theoretical and applied relevance. It is not sufficiently studied in the Western Caucasus regional historiography, and it is an object of political debate. The characteristic features of the sociocultural and economic integration of different ethnic groups are revealed in the article. The native population of the Black Sea region and migrants were introduced into the legal field of the Russian Empire in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. Personal freedom and land allotments were provided to them. The social status of Circassian and Russian community members became identical. This further spread to all migrants at the time. The development of agriculture in the region was a sign of economic integration. The Russian administration used the term “colonization of the Black Sea region” in the 19th century. The essence of this term was the region’s settlement and introduction of land into economic use. Migrants made a major contribution to this process. Russian migrants’ and Cossacks’ adaptation to the new conditions was not always successful. Migrants from Turkey (Armenians, Greeks), Georgia (Georgians) adapted their farming to the landscape environment successfully. Their economic specialization (horticulture, tobacco growing, animal husbandry) proved to be more stable and was preserved in the first third of the 20th century. The author believes that the population’s sociocultural and economic integration into the modernized (socialist) society was successfully pursued by the state in the 1920s–1930s. Changes in the forms of economy, cooperation in agriculture, a new (recreational) specialization were the signs of economic integration. The population increase and the social infrastructure development in the region were consequences of the integration. The USSR citizen’s unified rights and obligations were granted to all ethnoses with no exceptions. Identical executive authorities were formed throughout the country, including the Sochi Black Sea Coast. These were rural councils and agricultural enterprises in national settlements (Russian, Armenian, Greek, Georgian and others). Representatives of ethnic groups became heads of administrative bodies and artels in rural areas. Korenizatsiya (“putting down roots”) was of great importance. Korenizatsiya measures included elimination of illiteracy, establishment of primary schools (of the first stage) and training of population in them, record keeping in native (ethnic) languages, formation of the national personnel.

REFERENCES

1. Kavkazskiy uzel. (2014) *Onlayn diskussiya – Kavkazskaya voyna (1817–1864): mezhdru pamyat'yu i istoriei* [Online discussion: The Caucasian War (1817–1864): Between memory and history]. [Online] Available from: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100>. (Accessed: 12.06.2014).
2. Belozeroва, M.V. (2014) [On the problem of the relationship between the processes of ethnic consolidation and national self-determination in the southern regions of Russia]. *Modernizatsiya politicheskogo makroregiona i soprodel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsennari razvitiya* [Modernization of poly-ethnic macro-region and neighbouring states: practices, problems, scenarios of development]. Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN. pp. 175–178. (In Russian).
3. Sorokina, I.O. (2008) Teoreticheskie osnovy ponyatiya “integratsiya” i printsipy ee osushchestvleniya [The theoretical foundations of the concept “integration” and the principles of its implementation]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2.
4. Poberezhnikov, I.V. (2014) *Ural in Russian History: The Integration of the Region into the Country Space*. [Online] Available from: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30314/1/uiibch_2014_1-21.pdf. (Accessed: 07.11.2017). (In Russian).
5. Belozeroва, M.V. (2017) Sotsial'nye instituty cherkessov v otsenkakh regional'noy istoriografii 2000-kh gg. [Circassian social institutions in assessments of the regional historiography of the 2000s]. In: *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma* [Archeology and ethnography of the Caucasus and Crimea]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Kudaeva, S.G. (2006) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva (XIX v.)* [The Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
7. Sadovoy, A.N. et al. (2014) *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote “Razrabotka metodov ekspertnoy otsenki i prognoza kachestva zhizni naseleniya” (№ gos. registratsii 114100740110)* [Report on the research work “Development of expert assessment methods and forecasting the quality of life of the population” (state registration number 114100740110)]. Sochi: Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences.
8. Belozeroва, M.V. (2016) [Some aspects of the economic adaptation of immigrants in the Black Sea District (19th – first third of the 20th centuries)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Proceedings of the International Conference. Vol. 5. Pt. 1. Tyumen: Tyumen State University. pp. 189–192. (In Russian).
9. Sadovoy A.N. (2015) Traditional Culture and Natural Resources Use (Black Sea Coast Natives in the XIX Century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 3 (32).
10. Tornau, F.F. (2008) *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer]. Maykop: Poligrafizdat “Adygeya”.
11. Sadovoy, A.N. (2011) Institut rabstva v XIX v.: forma russko-cherkesskogo protivostoyaniya [Institute of Slavery in the 19 century: A Form of the Russian-Circassian Confrontation]. In: *Slavyanskiy mir. Dialog kul'tur* [Slavic World. Dialogue of Cultures]. Kemerovo; Omsk: Kemerovo State University of Culture and Arts. pp. 164–174.
12. Belozeroва, M.V. (2012) K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na territorii rossiyskogo Prichernomor'ya (na primere Bol'shogo Sochi) [On the problem of interethnic interaction in the territory of the Russian Black Sea (on the example of Greater Sochi)]. In: Yanashek, K. et al. (eds) *Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii*. Szczecin, Poland: GRAFFORM. pp. 46–52.
13. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-348. List 1. File 8. (In Russian).
14. Belozeroва, M.V. (2015) To the Problems of the Russian-Circassian Interaction and Formation of Ethnic Identity: XIX – Early XX Century *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 32. pp. 26–33. (In Russian).
15. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 261. List 1. File 1955. (In Russian).
16. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 261. List 1. File 94. (In Russian).

17. Vereshchagin, A.V. (1878) *Kolonizatsiya Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza. Zhivoy vopros nashikh okrain* [Colonization of the Black Sea coast of the Caucasus. A relevant problem of our borderlands]. St. Petersburg: tip. V.F. Putykovicha.
18. Tveritinov, I.A. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Maykop: Poligraf-Yug.
19. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 584. List 3. File 16. (In Russian).
20. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-25. List 1. File 679. (In Russian).
21. Libussr.ru. (2018) *Dekret SNK RSFSR ot 23.08.1923 g. "Pravila o poryadke, usloviyakh i srokakh ispol'zovaniya gosudarstvennykh zemel'nykh imushchestv"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 23, 1923, "Rules on the procedure, conditions and terms for the use of state land property"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1801.htm. (Accessed: 12.02.2018).
22. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-25. List 1. File 153. (In Russian).
23. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 12. (In Russian).
24. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 15. (In Russian).
25. Library.ru. (2018) *Dekret ot 04.04.1919 g. "O lechebnykh mestnostyakh obshchegosudarstvennogo znacheniya"* [Decree of April 04, 1919, "On therapeutic areas of national significance"]. [Online] Available from: <http://www.library.ru/help/docs/n20310/decret.htm>. (Accessed: 12.02.2018).
26. Ussrdoc.narod.ru. (2018) *Postanovlenie VTsIK i SNK ot 23.06.1921 g. "Ob upravlenii kurortami obshchegosudarstvennogo znacheniya"* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of June 23, 1921, "On the management of resorts of national significance"]. [Online] Available from: <http://www.ussrdoc.narod.ru/>. (Accessed: 12.02.2018).
27. (1958) *Postanovlenie VTsIK i SNK "O kurortakh Kryma, Kavkaza i Kubani" ot 11 iyunya 1921 goda* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the Resorts of the Crimea, the Caucasus and Kuban" of June 11, 1921]. In: *Postanovleniya KPSS i Sovetskogo pravitel'stva ob okhrane zdorov'ya naroda* [Decisions of the CPSU and the Soviet Government on the protection of public health]. Moscow: Medgiz. pp. 75–76
28. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 22. (In Russian).
29. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 20. (In Russian).
30. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 24. (In Russian).
31. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund R-158. List 1. File 36. (In Russian).
32. Kandor, R.S. (2009) Abolition of Serfdom of the West Adyghe (Circassians) in the Kuban Region in the 1860s. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 90. pp. 53–57. (In Russian).
33. Dubrovin, N.F. (2016) *Kavkaz i narody ego naselyayushchie* [The Caucasus and its peoples]. Book 1. Moscow: Kuchkovo pole.
34. Sadovoy, A.N. (2016) *Sotsial'naya stratifikatsiya cherkesov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX v. Soslovnny i klassovyy aspekty analiza* [Social stratification of the Circassians of the Black Sea at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The estate and class aspects of analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta puty soobshcheniya: nauchno-tekhnicheskii zhurnal*. 1 (34). pp. 120–129.
35. Anon. (1897) *Iz doklada chinovnika osobykh poruchenii deystvitel'nogo statskogo sovetnika M.A. Kraevskogo na temu "K voprosu kolonizatsii Chernomorskoy gubernii" s prilozheniem chasti issledovaniya mladshego taksatora Lichkusa o byvshikh gorskikh aulakh, a takzhe chastnovladel'cheskikh i poselyanskikh khozyaystvakh Chernomorskoy gubernii* [From the report of the official of special assignments of M.A. Kraevsky, the current state adviser, on the topic "On the issue of colonization of the Black Sea Province" with an appendix of part of the study of the younger taxiator Lichkus on the former mountain villages, as well as private and rural farms of the Black Sea Province]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 183. (In Russian).
37. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 153. (In Russian).
38. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 171. (In Russian).
39. Archive Department of the Administration of Sochi. Fund 25. List 1. File 679. (In Russian).

Received: 26 March 2019